

В чем заблуждается Патриарх Варфоломей. О сути, причинах и путях преодоления современного кризиса межцерковных отношений

В данной статье доктор церковной истории, кандидат исторических наук священник Александр Мазырин объясняет, в чем, на его взгляд, состоят богословские заблуждения современного главы Фанара, и почему каноны не дают никаких исключительных прав Константинопольским Патриархам.

Стойте и держите предания...

(2 Фес. 2, 15)

Последние месяцы православный мир переживает кризис, подобного которому, вероятно, не было со времен Великого раскола тысячелетней давности. Сходство событий налицо. Так же как и тогда, первенствующая кафедра (в то время — Римская, ныне — Константинопольская) выступила с неприемлемыми для православного сознания притязаниями на исключительность своего положения и властное главенство над другими Поместными Церквами. Тогда это привело к отпадению от Православия Римских пап, ныне на этот путь встала Константинопольская Патриархия.

Первый без равных?

Украинский церковный вопрос, оказавшийся в эпицентре произошедшего столкновения, имеет далеко не местное значение. Он обнажил проблему особого масштаба и выявил такие искажения еkkлезиологии со стороны Фанара, которые трудно квалифицировать иначе как ересь.

Константинопольский Патриарх прямо объявил себя главой всех православных Патриархов и Предстоятелей, причем уже не в порядке частного мнения, а более чем официально — в Томосе о «даровании автокефалии» так называемой Святейшей Церкви Украины. Утверждая по давнему примеру Римских пап, что вся Православная Церковь возглавляется им, какое место Константинопольский Патриарх оставляет Христу, Которого с апостольских времен Церковь исповедовала как своего Главу (Еф. 1, 22)?

Провозглашая себя главою всей Православной Церкви, Патриарх Варфоломей мнит, что может творить бывшее не бывшим (отменить осуществленную 300 с лишним лет назад передачу Киевской

митрополии Московскому Патриархату) и, напротив, — несуществующее существующим (безблагодатную лжеиерархию украинских раскольников росчерком пера сделать благодатной).

Принимая в «сущем сани» раскольников-полусамосвятов¹ и даруя им «автокефалию», Патриарх Варфоломей одновременно игнорирует каноническую Украинскую Православную Церковь, при том что по числу паствы и приходов она превосходит не только всех местных автокефалистов вместе взятых, но и сам Константинопольский Патриархат. Причем делается это в явном противоречии с позицией остальных Поместных Церквей и с категорическим отказом передавать вопрос на общеправославное решение.

Патриарх Варфоломей и его апологеты открыто провозглашают и проводят в жизнь учение о том, что среди Предстоятелей Православных Церквей он не первый среди равных, а первый без равных (*primus sine paribus*)². При этом заявляется, что источником его первенства является не Церковь, а он сам, подобно Богу Отцу в Пресвятой Троице³. Что это, если не еkkлезиологическая⁴ ересь? Ересь, усугубляемая еще и искажением православного учения о Боге-Троице, поскольку исторически обусловленные изменчивые взаимоотношения Поместных Церквей в этом лжеучении соотносятся с вневременными внутритроичными отношениями, привнося в них элемент субординатизма (соподчиненности)⁵, что является уже шагом к арианству⁶.

В обоснование якобы исключительных прав Константинопольских Патриархов дается ссылка на 9-е и 17-е правила IV Вселенского Собора. В них говорится, что, если кто «будет обижен от своего митрополита», может судиться пред Константинопольским престолом. Однако, по разъяснению наиболее авторитетных канонистов (греческих, надо заметить), ни о какой всемирной юрисдикции этого престола здесь речи нет, и принимать апелляции от «обиженных» клириков Константинопольские Патриархи могут только в пределах своей канонической территории, которая, в соответствии с 28-м правилом того же Собора, ограничена Понтийской, Асийской и Фракийской областями (это в основном территория современной Турции).

Так, Иоанн Зонара (XII век) прямо писал, что «не над всеми без исключения митрополитами Константинопольский Патриарх поставляется судьей, а только над подчиненными ему». Далее он разъяснял, что митрополиты Сирии подлежат суду Патриарха Антиохийского, Палестины — Иерусалимского, Египта — Александрийского⁷. Преподобный Никодим Святогорец (XVIII–XIX века) в своем толковании на «Пидалион» (греческую «Кормчую») совершенно недвусмысленно писал, что «Константинопольский Предстоятель есть первый, единственный судья над подчиненными ему митрополитами — но не над теми, которые подчиняются остальным Патриархам»⁸. Таким образом, никаких исключительных прав каноны Константинопольским Патриархам не дают.

Следует заметить, что в том же 17-м правиле IV Вселенского Собора, на которое так любят ссылаться фанариоты, говорится и о предельных сроках для возбуждения епископских споров о границах канонических территорий — 30 лет. Если Константинопольские Патриархи имели какие-то претензии к Московским по поводу Киевской митрополии, заявлять о них надо было 300 лет назад. И уж совсем абсурдно звучат заявления о том, что Фанар может «отобрать» автокефалию у Московского Патриархата, соборно утвержденную еще в XVI веке.

Предпосылки и предыстория переживаемого кризиса

Хотя еще год назад едва ли кто-то мог представить себе столь стремительное ухудшение дел в мировом Православии, разразившийся кризис не случаен и отнюдь не сводится к позиции Патриарха Варфоломея. Можно сказать, что он вызревал на протяжении десятилетий и даже столетий. Отчасти его предпосылки имеют этнофилетический (предпочтение национальных интересов общецерковным. — Ред.) характер, отчасти — геополитический. Есть в деле и своя коррупционная составляющая.

Наиболее глубинный, почти что извечный фактор, подрывающий церковное единство, это присущий некоторым греческим деятелям культурно-религиозный шовинизм, возвышенно именуемый ими эллинизмом. Конечно, никто не может отрицать величие византийской христианской культуры или игнорировать тот факт, что и книги Священного Писания Нового Завета, и большая часть святоотеческих трудов, и постановления Вселенских Соборов, и литургические памятники, и многие другие важнейшие произведения церковной словесности появились на свет на греческом языке. С момента своего возникновения Церковь Христова тесно соприкасалась с миром эллинистической культуры и многое из него почерпнула.

Однако, несмотря на все это, Церковь с апостольских времен непреложно исповедовала, что во Христе нет ни эллина, ни иудея, ни скифа (Кол. 3, 11). Ни один народ, какой бы след он ни оставил в церковной истории, не может претендовать на какую-либо религиозную исключительность и требовать на этом основании главенства над другими христианскими народами и их подчинения. Тем не менее такие претензии со стороны греческих духовных вождей (не всех, конечно) звучали и звучат.

Громкость звучания эллинских притязаний на церковное господство определялась прежде всего политической обстановкой. Понятно, что после завоевания Константинополя турками, когда Россия стала единственным православным царством, к заступничеству которого греки были вынуждены постоянно прибегать, Фанару во взаимоотношениях с Русской Церковью волей-неволей приходилось умерять свои амбиции. Хотя другие православные народы на территории Османской империи в то же самое время сполна испытали на себе гнет не только турок, но и фанариотов.

В 1917 году православная монархия в России была свергнута, после чего Русская Церковь из покровительствуемой государством превратилась в жестоко гонимую. Практически одновременно с этим Турция потерпела тяжелое поражение в Первой мировой войне, а греки оказались на стороне победителей, надеясь, что вскоре им удастся воплотить в жизнь «Великую идею» о возрождении былого величия своей державы со столицей в Константинополе. В официальных изданиях Константинопольской и Александрийской Патриархий публиковались пафосные статьи о том, что «греческая нация будет счастлива и горда лицезреть», как Константинополь «станет, наконец, центром Православия, а епископ его, возвышающийся над нациями и племенами, станет видимым главой и общим связующим звеном всех православных федеративных Церквей»⁹.

Особые надежды в плане окончательной победы над турками греки тогда связывали с Великобританией, для укрепления союза с которой Фанар пытался максимально сблизиться с Англиканской Церковью, выражая при этом готовность идти на всяческие уступки. По воспоминаниям англиканского епископа, ведшего переговоры с фанариотами в 1920 году, они без стеснения говорили ему в кулуарах: «Если Англия сможет заполучить для нас Святую Софию, мы с удовольствием признаем любые рукоположения и согласимся практически с любым учением»¹⁰.

Однако в критический момент Англия не помогла. Безумный поход греческой армии вглубь Малой Азии (с попыткой взять далеко не прибрежную Анкару) обернулся в 1922 году страшной катастрофой. После нее встал вопрос о том, останется ли вообще Константинопольская Патриархия в своем историческом месте пребывания. Для Фанара началось время, с одной стороны, борьбы за выживание, а с другой — безудержной экспансии по всему миру в попытках компенсировать потери церковного достояния на своей канонической территории приобретениями в других местах и за счет других Поместных Церквей, в первую очередь — за счет теснимой большевиками Русской Церкви.

В такой ситуации вполне объяснимым было начавшееся заигрывание Фанара с вышедшими в 1922 году на российскую сцену раскольниками-обновленцами. Православный народ в России в массе своей с отвращением отнесся к новоявленным раскольникам, видя в них пособников богоборцев. Но для Фанара обновленцы были интересны тем, что, с одной стороны, они были готовы поддержать его властные претензии в православном мире (чего не приходилось ждать от Святейшего Патриарха Тихона, против которого повели борьбу раскольники), а с другой — через них было удобно обращаться за содействием к большевикам, коль скоро последние не только удержали в своих руках власть в России, но даже получили определенное влияние на победивших в Турции кемалистов. Декларируемый обновленцами церковный модернизм также был интересен Фанару в свете затеваемых им реформ, призванных сблизить Православную Церковь с инославными (реформы календаря и т. д.).

Едва лишь возникло самочинное обновленческое «Высшее церковное управление», как главного большевистского куратора раскола Л. Д. Троцкого проинформировали, что московский представитель Константинопольской Патриархии архимандрит Иаков (Димопуло) поспешил сообщить обновленцам, что «его господин, святейший вселенский патриарх» (Мелетий Метаксакис. — Авт.), мог бы прибыть на собор в Москву, признать Высшее церковное управление, участвовать в суде над Патриархом Тихоном, словом, сделать все, что нужно Высшему церковному управлению, вплоть до низложения Тихона «по всем каноническим правилам». Он дал понять, что в общем итоге это стоит: возвращения к моменту прибытия в Москву «его святейшества» дома Константинопольского Патриархата и 10 000 турецких лир»¹¹.

Надо полагать, что лично Патриарха Мелетия в этом деле привлекали не деньги и не ставшее муниципальным здание бывшего подворья Константинопольской Патриархии, которое ранее она использовала как доходный дом, а именно возможность продемонстрировать всему миру подсудность ему Московского Патриарха, с тем чтобы раз и навсегда утвердить свой властный примат.

Однако другие представители Фанара в традиционной для них манере не забывали и о материальной стороне дела. Так, преемник Мелетия (Метаксакиса) Патриарх Григорий VII подписал в 1924 году Томос об автокефалии Польской Церкви (разумеется, без какого-либо согласия на то Церкви Русской), за что, как документально установлено, польское правительство заплатило Фанару 12 тыс. фунтов стерлингов в долларовом эквиваленте. Премьер-министр Польши В. Грабский интересовался, «можно ли получить благословения дешевле», но ему объяснили, что «в аналогичных ситуациях в прошлом Фанар требовал значительно бóльшие суммы»¹². Причем 12 тыс. фунтов были уплачены лишь за копию томоса, переданную польскому послу. Сам же документ еще предстояло торжественно доставить в Варшаву, что произошло в следующем году и дополнительно обошлось польской казне в немалую сумму, потраченную на прием и подарки высокопоставленной греческой делегации.

В 1940-е годы, в результате Второй мировой войны, политический расклад вновь претерпел существенные изменения. Советское руководство отказалось от проводимого им ранее курса на уничтожение Русской Православной Церкви и даже стало в чем-то содействовать укреплению ее внешнего положения. Игнорировать ее, как в 1920–1930-е годы, Константинопольская Патриархия уже не могла.

В то же время Фанар полностью переориентировался на Соединенные Штаты, которые смогли продвинуть на Константинопольскую кафедру американского архиепископа Афинагора (Спиру). Тот прямо заявил генконсулу США в Стамбуле, что «краеугольным камнем» своей деятельности

как Патриарха «он видит продвижение американских идеалов». Американский дипломат был даже шокирован такой откровенностью и написал в свой Госдепартамент: «Я был бы склонен рекомендовать делать все от нас зависящее для придания большей утонченности выражениям Патриархом своих вполне объяснимых проамериканских настроений, а наши будущие отношения с ним выстраивать столь деликатно, чтобы избежать слишком тесного ассоциирования его с нами»¹³. Словесной «утонченности» после этого у Фанара, быть может, стало больше, но ассоциированность с американским правительством никуда не исчезла.

В последние годы, как видно, показалось Патриарху Варфоломею и его окружению, геополитическая обстановка стала наиболее благоприятной для реализации давних устремлений Фанара утвердить свою гегемонию в мировом Православии. Сначала была предпринята попытка достичь этой цели «по-хорошему», через Критский собор, смысл проведения которого заключался, разумеется, не в подписании нескольких заявленных деклараций, а в утверждении новой модели управления Православной Церковью с не имеющим себе равных Вселенским Патриархом во главе.

После того как по милости Божией эта затея сорвалась, Фанар перешел к борьбе за свое повелевание уже «по-плохому», используя курс Запада на изоляцию России и стремление украинского руководства разорвать последние остающиеся связи Киева с Москвой. При этом совершенно очевидно, что и сам Фанар используется враждебными Православной Церкви силами для разрушения ее изнутри.

Как реагировать на враждебные действия Константинополя?

Русская Православная Церковь не борется за первенство, власть, территорию или что-то подобное. Прозвучавшая в XVI веке идея «Москва — Третий Рим» не является идеологией Русской Православной Церкви, которая остается аполитичной. Как писал еще в 1923 году святой Патриарх Тихон, «всякие попытки, с чьей бы стороны они ни исходили, ввергнуть Церковь в политическую борьбу должны быть отвергнуты и осуждены»¹⁴.

Нужны, конечно, организационные решения, ограждающие Церковь от опасности папизма. Понятно, что та модель межправославного взаимодействия, которая строится на особых полномочиях Константинопольского Патриарха и на которую согласилась было Русская Православная Церковь в 2016 году в преддверии Критского собора, утратила свою актуальность. Оказанное ему величайшее доверие Константинопольский Патриарх употребил во зло — для утверждения своей еkkлeзиологической ереси. Соглашаться после этого с его исключительными правами — значит потворствовать этой ереси.

Необходимо отстаивать чистоту хранимого Православной Церковью канонического предания и

отвергать все попытки его папистского извращения, будь то с Запада или с Востока. Требуется детально и всесторонне выявлять и догматическую, и каноническую, и морально-этическую несостоятельность притязаний и действий Константинопольской Патриархии. Тем более что сам Патриарх Варфоломей отталкивает от себя даже тех, кто ранее был ему вполне лоялен (например, русскую Западноевропейскую архиепископию).

Если Русская Православная Церковь будет твердо стоять в Христовой истине, все искренние православные люди, включая и греков, убедятся в вопиющей неправоте Патриарха Варфоломея и его окружения. Тогда спровоцированный им церковный кризис будет преодолен.

Священник Александр Мазырин

Источник: Церковный вестник

29 октября 2019 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Одним из основателей «иерархии» так называемой Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ) в 1990 г. был авантюрист В. Чекалин, сам себя провозгласивший епископом.

2 См.: Ἐλπίδοφόρου, Μητρ. Προύσης. Primus sine paribus: Ἀπάντησις εἰς τὸ περὶ πρωτείου κείμενον τοῦ Πατριάρχου Μόσχας // URL: <https://www.ec-patr.org/arxeio/elp2014-01-gr.pdf>

3 См.: Там же.

4 Эклесиоло́гия — отрасль христианского богословия, изучающая природу, свойства и устройство Церкви: как раздел догматического богословия и как элемент богословия тех или иных отцов Церкви.

5 Субординатизм — ересь о неравнозначности и соподчиненности Ипостасей Троицы в ранней христианской теологии (II—III вв.), согласно которому Сын-Логос и Дух Святой происходят от Бога-Отца и подчинены Ему. Последним крупнейшим течением в христианстве, включавшим элементы субординатизма, было арианство, борьба с которым и стала одним из главных поводов утверждения догмата Троицы, а вместе с ним — и догмата о полноте божественности во Христе

как Боге и Сыне Божиим.

6 Ариа́нство — одна из ранних ересей в христианстве в IV—VI вв., утверждавшее начальную тварность Бога-Сына, позднее — неединосущность его с Богом-Отцом.

7 См.: Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 2000. С. 213. (Репр. изд.: М., 1877).

8 Никодим Святогорец, прп. Пидалион: Правила Православной Церкви с толкованиями: в 4 т. Т. 2: Правила Вселенских Соборов. Екатеринбург, 2019. С. 149.

9 Λουκαῖος Ἐ. Σημασία ἐκλογῆς Οἰκουμενικοῦ Πατριάρχου // Πάνταινος. 1920. Σ. 31; Ὁμοσπονδία τῶν ὀρθοδόξων ἐκκλησιῶν // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1920. 14 νοεμ. Ἀρ. 45. Σ. 424.

10 Чибисова А. А. Лига Церквей: к вопросу о нереализованном проекте Константинопольского Патриархата // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 87. С. 54.

11 Иванов С. Н. Хронология обновленческого «переворота» в Русской Церкви по новым архивным документам // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 3 (58). С. 58.

12 Чибисова А. А. Автокефалия «под ключ»: некоторые факты из истории автокефалии Польской Церкви 1924 года // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 81. С. 76–77.

13 Ермилов П. В., диак. Вхождение Константинопольского Патриархата в русло внешней политики США в первые годы «холодной войны» // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 3 (36). С. 227–228.

14 Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 287.